

структурообразования и социогенеза, порожденные выходом финансовых и ресурсных потоков из ведения национального государства, обесцениванием связанной с ним системы социальных статусов и ролей» [4, с. 18].

Одной из особенностей, оказывающей влияние на трансформацию дискурса глобализации в начале XXI столетия, является устойчивая тенденция сохранения и углубления различий социально-культурных общностей и локальных социокультурных систем в условиях формирующейся интегрированной экономической и социальной среды. Фрагментация культурно-цивилизационных идентичностей, вызванная широким распространением унифицирующих и стандартизирующих повседневность социальных практик, способствует в большей степени активизации старых и возникновению новых этнических и конфессиональных конфликтов. Так, глобализация, с одной стороны, приводит к трансформации и размыванию локальных культурно-цивилизационных идентичностей, а с другой – является источником активизации процессов самоидентификации локальных социумов, способствуя не консолидации и конвергенции, а, напротив, регионализации и фрагментации современного мира.

Литература

1. Зеленков, А.И. Глобализация как социокультурный вызов современной эпохи / А.И. Зеленков // Философия устойчивого развития / А.И. Зеленков [и др.]; под ред. А.И. Зеленкова. – Минск : БГУ, 2015. – С. 21–63.
2. Голубев, С.В. Основания государственности: социально–философский анализ / С.В. Голубев. – Минск: Изд–во БГУ, 2005. – 182 с.
3. Сафонов, А.Л. Социальные атрибуты глобализации / А.Л. Сафонов // Вестник Бурятского гос. ун-та. Философия, социология, политология, культурология. – 2012. – № 14а. – С. 3–9.
4. Сафонов, А.Л. Глобализация как дивергенция: кризис нации и "ренессанс" этноса / А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов // Вестник Бурятского гос. ун-та. Философия, социология, политология, культурология. – 2011. – № 6. – С. 17–23.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИКО- АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

А.П. Косов

г. Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова, alekos1979@mail.ru

Проблемы глобализации и становления нового мирового порядка являются предметом активных дискуссий политиков и ученых. Цель данной статьи – рассмотрение имеющихся в российском внешнеполитическом дискурсе оценок роли глобализации в формировании нового мирового порядка.

Ключевые слова: глобализация, новый мировой порядок, политико-академическое сообщество России.

В конце XX – начале XXI века в мировом политико-академическом сообществе активно заговорили о глобализации как одной из важнейших составляющих в архитектуре нового мирового порядка. Вслед за западными политиками и экспертами к дискуссиям на данную тему подключились и их российские коллеги.

Целью данной статьи является рассмотрение имеющихся в российском внешнеполитическом дискурсе оценок роли глобализации в формировании нового мирового порядка.

Сегодня, наверное, трудно найти более дискуссионную тему, чем глобализация. Предметом оживленных дебатов служит буквально все, что касается понятий «глобализация» и «новый мировой порядок». Авторство самого термина «глобализация» приписывают американцу Т. Левиту, который еще в 1983 г. в «Гарвард бизнес ревью» писал о слиянии рынков отдельных продуктов, производимых крупными ТНК [1, с. 194]. Распространение же термин «глобализация» получил благодаря американскому социологу Р. Робертсону и японцу К. Омае, опубликовавшему в 1990 г. бестселлер «Мир без границ» [2, с. 15]. В свою очередь, термин «новый мировой порядок» возник еще раньше – в начале XX века. Известно, что к нему в свое время обращались В. Вильсон и Ф. Рузвельт, У. Черчилль и И. Сталин. Использовался он и в гитлеровской Германии. Но особенно активно в политическом лексиконе стал употребляться с конца прошлого века. Так, 11 сентября 1990 г. президент Дж. Буш-ст. выступил на объединенной сессии Конгресса США и провозгласил возможность создания нового мирового порядка [3, с. 78]. Тем самым, начиная с конца XX века понятия «глобализация» и «новый мировой порядок» оказались неразрывно связаны друг с другом. Неудивительно, что в политико-академических кругах многими глобализация стала определяться как модель мироустройства, утвердившаяся в международных отношениях на неопределенно долгое время. Ее понимают как систему взаимоотношений, порожденную быстрым научно-техническим прогрессом, гигантским ростом инвестиций, интеграцией хозяйственных усилий в масштабах, которые ранее не наблюдались [4, с. 13].

В российском внешнеполитическом дискурсе встречаются как позитивные, так и негативные оценки глобализации. Разумеется, рассмотреть весь спектр мнений в одной небольшой публикации не представляется возможным, тем более что автор уже обращался к проблеме осмысления российской внешнеполитической мыслью феномена глобализации [см.: 5]. Поэтому было решено обратить внимание только на некоторые оценки роли глобализации в процессе формирования нового мирового порядка. Как правило, это мнения известных представителей политико-академического сообщества России. Как отмечал в 2000 г. И. С. Иванов, бывший в 1998–2003 гг. министром иностранных дел России, глобализация стала одной из ведущих тенденций мирового развития. При этом вместо ожидаемого международным сообществом решения глобальных проблем глобализация привнесла человечеству немалые дополнительные проблемы. Глава МИД РФ отмечал, что ее негативные последствия превосходят положительный эффект, который ощущают на себе только высокоразвитые страны Запада [6, с. 19]. Такую точку зрения в начале XXI века разделяли и другие политики и эксперты. Так, известный политолог А. А. Громыко отмечал содействие глобализации увеличению разрыва между Западом и Востоком. По его словам: «Глобализация – это весьма хрупкая среда для алчных финансовых интересов, действующих в мире, где набирает силу гонка вооружений, возрастает опасность самоуничтожения человечества» [3, с. 83]. Политолог и экономист В. Л. Иноземцев считал, что те процессы, которые называют глобализацией, более точно могут быть определены как вестернизация [7, с. 60.]. Согласно эксперту, Вашингтон предложил мировому сообществу свой проект «глобализации по-американски». Однако он имел ряд скрытых изъянов, обусловивших главные кризисные явления глобализации. По мнению В. Л. Иноземцева, не имея рычагов системного политического воздействия на развивающиеся страны, американцы перешли к тактике избирательного и точечного вмешательства, которое постепенно стало идентифицироваться с изощренной защитой интересов американских ТНК и служить одним из доказательств грабительского характера «новой глобализации». В рамках логики этой «новой глобализации» отношения между центром и периферией качественно изменили свой характер; теперь это были отношения между теми, кто активно действует, и теми, кто вынужден лишь реагировать на эти действия [7, с. 64.]. По мнению известного рос-

сийского международника А. И. Уткина, глобализация ведет к консолидации мира на условиях наиболее развитой его части [8, с. 47]. При этом мировой порядок уже не основывается на суверенных государствах. Инициатива перешла к ТНК [8, с. 52–53].

Значительная часть российского политико-академического сообщества отождествляет процесс глобализации с политикой США на мировой арене. Так, философ И. А. Гобозов из МГУ полагает, что искусственно навязанная всему остальному миру глобализация началась после умышленного развала СССР [9, с. 5]. По его мнению: «В отличие от интернационализма глобализация разрушает единство и многообразие мировой истории. <...> Глобализация не есть объективный процесс, она искусственно и порою насильственно насаждается США и их союзниками с целью защиты своих национальных и геополитических интересов» [9, с. 134]. Тем самым философ глубоко убежден, что «глобализация исходит от Соединенных Штатов Америки» [9, с. 186].

Известный российский философ А. С. Панарин, негативно оценивая процесс глобализации, указывал, что американоцентричная глобализация носит паразитарный характер [10, с. 26]. Усилиями глобалистов целенаправленно конструируется мир политического и экономического монополизма Запада, в котором «нормальная соревновательность и партнерство подменены делением на расу господ и расу неприкасаемых, на «золотой миллиард» и бесправную периферию» [10, с. 10].

По мнению философа Ю. Д. Гранина, «... нынешняя волна глобализации, будучи в значительной мере превращенной формой национализма стран «первого мира» и США, побуждает крупные региональные державы «полупериферии» вырабатывать собственные национальные формы глобализационных стратегий, препятствующие ее распространению в формах «вестернизации» или «культурной гибридизации» [11, с. 3].

Однако среди представителей российского политико-академического сообщества есть и те, кто не отождествляет развитие глобализации исключительно с действиями США. Известный международник Н. А. Косолапов из ИМЭМО РАН еще в начале XXI века считал, что в современном мире имело место сочетание объективной динамики мирового развития с теми или иными претензиями Запада под эгидой Вашингтона или ТНК на лидерство в нем [12, с. 297–298]. С его точки зрения, глобализация все более движется не только волей США, ЕС, Японии и крупнейших ТНК, но и международными организациями, международной финансово-экономической бюрократией, чьи решения все чаще становятся уже не только де-факто, но и юридически обязательными для номинально суверенных государств. Однако, несмотря на возросшую целостность, мир по-прежнему остается разнообразным [12, с. 323–324].

Многие российские эксперты отмечают, что глобализация существенно повлияла на систему мирового порядка. Так, согласно профессору В. Б. Кувалдину из МГУ, после окончания «холодной войны» именно США «набросали» контуры глобального мира под эгидой Запада. Но сегодня он «очень быстро обретает свою собственную логику, которая далеко не укладывается в исходный замысел его создателей» [13, с. 399]. С точки зрения К. С. Гаджиева из ИМЭМО РАН, глобальный кризис 2008 г. окончательно завершил эпоху западнцентристского миропорядка и поставил точку на «Вашингтонском консенсусе», являвшемся символом глобализации [14, с. 15.]. Он уверен, «что гегемонистские державы и навязываемая ими стабильность становятся реликтами прошлого, артефактами истории международных отношений» [14, с. 5]. В то же время, по его мнению, это не означает, что на смену Западу приходит или уже пришел восточнцентристский миропорядок. Просто наряду с США и ЕС появляются новые равновеликие центры силы – Китай, Индия, Бразилия. Поэтому «радикальное отличие нового миропорядка от прежнего евроцентристского состоит в том, что он основывается не на одной, а на нескольких равновеликих несущих конструкциях в лице Запада и Востока, Юга и Севера» [14, с. 17]. По мнению Л. Е. Гринина из Института востоковедения РАН, сначала она способствовала разрушению послево-

енного порядка, затем способствовала установлению мировой гегемонии Запада, и, наконец, начала менять баланс экономических сил в мире в пользу развивающихся стран. По его словам, решающую роль в ослаблении экономических позиций Запада и США и одновременно в укреплении и подъеме стран Азии и Латинской Америки сыграла именно глобализация [15, с. 71.]. Ученый уверен, что сокращение могущества США и Запада было неизбежным. Кризис 2008–2013 гг. лишь обнажил то, что фактически уже имело место: ослабление главных центров западной экономики и неизбежность утраты Западом абсолютного лидерства [15, с. 66].

Таким образом, в российском политическом дискурсе активно обсуждается роль глобализации в формировании нового мирового порядка. Представители политико-академического сообщества России придерживаются различных точек зрения относительно сущности глобализации. Что же касается нового мирового порядка, то он большинством политиков и экспертов отождествляется со стремлением США доминировать на мировой арене. В целом же, эволюция глобального развития человечества ведет к изменению взглядов на проблему глобализации. Во многом они изменились под влиянием финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., существенно подорвавшего имидж западнцентричного мира. Поэтому сегодня глобализация понимается не только как инструмент доминирования Запада, но и объективный процесс, способствующий подъему незападных центров силы, например, КНР, Индии, Бразилии и др.

Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А. А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В. В. Данилович).

Литература

1. Тойганбаева, А. Е. Методологические основы глобализации в развитии мировой экономики / А. Е. Тойганбаева, З. С. Кенжебаева // *Фундаментальные исследования*. – 2012. – № 3. – С. 194–198.
2. Омае, К. Упадок национального государства: становление региональных экономик / К. Омае. – М. : Европа, 2009. – 336 с.
3. Громыко, А. А. Становление нового мирового порядка / А. А. Громыко // *США – Канада: экономика, политика, культура*. – 2002. – № 11. – С. 78–88.
4. Громыко, А. А. Глобализация и глобальное управление: возможности и риски / А. А. Громыко // *Вестник Московского университета. Серия Международные отношения и мировая политика*. – 2013. – № 3. – С. 3–26.
5. Косов, А. П. Российская внешнеполитическая мысль о феномене глобализации в современном мире / А. П. Косов // *Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов*. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – Т. 23. – С. 59–67.
6. Иванов, И. С. Внешняя политика России и мир. Статьи и выступления / И. С. Иванов. – М. : Московский государственный институт международных отношений (Университет) ; РОССПЭН, 2000. – 352 с.
7. Иноземцев, В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация / В. Л. Иноземцев // *Вопросы философии*. – 2004. – № 4. – С. 58–69.
8. Уткин, А. И. Мировой порядок XXI века / А. И. Уткин. – М. : Эксмо, Алгоритм, 2002. – 512 с.
9. Гобозов, И. А. Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация? / И. А. Гобозов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 200 с.
10. Панарин, А. С. Искушение глобализмом. – М. : Эксмо, 2002. – 416 с.
11. Гранин, Ю. Д. «Глобализация» или «вестернизация»? / Ю. Д. Гранин // *Вопросы философии*. – 2008. – № 2. – С. 3–15.

12. Косолапов, Н. А. Глобализация: от миропорядка к международно-политической организации мира / Н. А. Косолапов // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М. : НОФМО, 2002. – С. 297–334.

13. Кувалдин, В. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения / В. Кувалдин. – М. : Весь Мир, 2017. – 400 с.

14. Гаджиев, К. С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2010. – № 6. – С. 3–19.

15. Гринин, Л. Е. Глобализация тасует карты (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс мира) / Л. Е. Гринин // Век глобализации. – 2013. – № 2. – С. 63–78.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

Е.Э. Кривоносова

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, crielena@yandex.ru

Цель статьи – анализ рисков современной цивилизации, перспектив будущего.

Ключевые слова: прогноз, цивилизация, социальные противоречия, архитектура будущего.

В античной мифологии есть образ Кассандры, предсказаниям которой никто не верил. В наше время все обстоит наоборот – прогнозам многие верят, даже если в них мало истины. «Управлять – значит предвидеть» – этот древний афоризм никогда не был столь оправдан и современен, как сейчас. Модус существования современного общества характеризуется динамизмом и, на первый взгляд, восходящим вектором развития во всех сферах жизни. Думается, многие горды тем, что родились в эпоху бурных скоростей в науке, технологиях, образовании, перемен в области гуманизации труда, открытости общественных, политических, культурных систем. Но за фасадом внешне привлекательных преимуществ и достоинств дня сегодняшнего по сравнению с минувшим часто скрывается масса противоречий, проблем, которые все труднее не замечать или отрицать. Указанная амбивалентность, «текучесть» (З. Бауман) стала характерной чертой настоящего, которое еще не обрело имя. Мы живем в эпоху «пост»: посттоталитаризм, постмодернизм, постсоциализм, постиндустриализм, «поствоинная эпоха» (А. Зиновьев). Прошрое мы четко обозначаем. А сегодняшние реалии приводят нас в состояние растерянности от неспособности или нехватки времени и желания задуматься о смысле происходящего и долгосрочных последствиях наших действий. Ставка делается, по словам М. Хайдеггера, на рассчитывающее, калькулирующее, атакующее мышление. А осмысляющее мышление, позволяющее познать смыслы бытия, мы оставили невозделанным, «под паром»: «сегодняшний человек спасается бегством от мышления». [1, с. 104] Но подобная технологическая близорукость заставляет только реагировать на (а не упреждать!) негативные последствия жизнедеятельности человечества, а, следовательно, рождает чувство «no-future», жизни без будущего. Даже думать и говорить о будущем сложно, оттого что это измерение далеко, туманно, непредсказуемо, многовариантно. Нельзя не отметить, что при всей альтернативности прогнозов антиутопии и фантастические фильмы о будущем рисуют чудовищные, пессимистические сценарии. Неужели предсказания фантастов сбудутся, как, например, напророченное К. Чапеком появление роботов? Будущее – неопределенность, рождающая переживания и страхи. А страх, как известно, часто парализует либо приводит к панике. Вот и